

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ИЛЕЦКО-ИКОВСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ КУРГАНСКОГО ОКРУГА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ 1924–1927 ГГ.)

Т. В. КОЗЕЛЬЧУК,
кандидат исторических наук, доцент,
М. А. ПЕРОВА,
Курганский государственный университет

640669, г. Курган, ул. Гоголя, д. 25

Положительная рецензия представлена В. П. Мотревичем, доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой Уральского государственного аграрного университета.

Одной из важнейших внутренних проблем нашей страны в 1920-х гг. была проблема беспризорности — следствие мировой и гражданской войн, усугубленное голодом. К 1922 г. в стране насчитывалось около 7 млн беспризорных детей [1]. Одним из методов борьбы с беспризорностью было создание детских трудовых коммун. Их целью было перевоспитание подростков, обучение их честному труду и жизни в коллективе, создание новых граждан нового государства. Учитывая, что главная воспитательная роль отводилась труду, возникал вопрос о возможности использования сельскохозяйственного труда в воспитании детей, что было актуально в связи с большой ролью аграрного сектора в формировании сырьевой и продовольственной базы страны: «Сельское хозяйство составляло в то время основной промысел подавляющей части населения России — им занималось около 75 % населения» [2].

В период нэпа советская власть стала уделять большое внимание экономическому состоянию деревни: ради его улучшения разрешена была частная собственность и кооперативные формы хозяйства. Помимо государственных совхозов в советском селе стали появляться колхозы, формировавшиеся на добровольческих началах в форме сельскохозяйственных коопераций: ТОЗы (товарищество по совместной обработке земли), артели, коммуны. Сельскохозяйственная коммуна, как одна из форм коллективного хозяйства, базировалась на обобществлении всех средств производства (построек, мелкого инвентаря, скота) и земли. Общественное хозяйство было основой потребления и бытового обслуживания членов коммуны; распределение было уравнилельное: не по труду, а по едокам. Члены коммуны не имели своего личного подсобного хозяйства. На практике крестьяне предпочитали более свободные формы коопераций — артели и ТОЗы (к июню 1929 г. коммуны составляли только 6,2 % всех колхозов в стране, ТОЗы — 60,2 %) [3], хотя именно коммуны, в отличие от прочих коопераций, соответствовали социалистическим идеалам. Удачный опыт коммунального хозяйства в практике воспитания нового человека мог бы послужить хорошим примером для села. Такой опыт имел место в Курганском округе в 1924–1927 гг. Это период существования Илецко-Иковской коммуны детской трудовой коммуны.

Документы этого учреждения, сохранившиеся в Госархиве Курганской области [4], представляют интерес с точки зрения делопроизводства: во-первых, для них характерен отказ от старых делопроизводственных стандартов и отсутствие новых, что породило разноформенность документов и вольность слога; во-вторых, малообразованность составителей документов привела к огромному количеству грамматиче-

ских и пунктуационных ошибок. Кроме того, многие документы составлялись на бланках императорской России с закрашенными гербами, на газетных страницах, упаковках из-под чая и пр.; многие документы не датированы и не имеют подписи. Однако на содержательную сторону это не повлияло, они информативны и дают возможность на примере коммуны проследить роль сельскохозяйственного труда в воспитании подростков, охарактеризовать отношение к нему детей и взрослых и многое другое, в том числе показать место сельского труда в хозяйственной жизни страны периода нэпа в целом.

По данным на 1923 г. в детских домах по Курганскому округу Уральской губернии воспитывалось 1680 детей [5]. Всего по округу было 19 детских домов, то есть в каждом проживало по 80–90 человек, учитывая, что детские дома занимали обычные жилые здания или, в лучшем случае, усадьбы. Кроме того, постоянно поступали новые воспитанники. Из-за такой переполненности «переростки» — как называют в документах тех лет подростков от 14 до 18 лет — оказывались выброшенными на улицу без средств к проживанию, почти неграмотные и не имеющие никакой специальности. В большинстве своем они пополняли ряды преступного мира. Поэтому возникла необходимость в создании воспитательно-образовательного учреждения для старших воспитанников детских домов, которое могло бы сделать переход детей во взрослую жизнь более безболезненным. Так, летом 1924 г. появилась Илецко-Иковская трудовая коммуна. Историю этого учреждения условно можно разделить на два этапа: 1) лето 1924–1925 гг. Время становления с момента образования коммуны под контролем Округного отдела народного образования до передачи ее в ведение Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (далее ДТК); 2) январь 1926 — май 1927 гг. Работа под контролем ДТК, период стагнации и отказ от коммунального быта.

Коммуна располагалась в пределах Салтосарайского лесничества в 35 верстах от Кургана по реке Ик [5], занимая земли, хозяйственные и жилые постройки Илецко-Иковского совхоза. 25 августа 1924 г. был заключен договор о передаче этой земли (площадью 1244 десятины) Уральским областным земельным управлением в долгосрочное пользование Курганскому округному отделу народного образования (далее ОКРОНО), и совхоз Илецко-Иковский стал официально именоваться детской трудовой коммуной [7]. Учитывая аграрный уклон экономики Курганского округа, коммуна планировалась как сельскохозяйственная с полеводством, скотоводством, огородничеством и обучением промыслу, востребованному в деревне, на основе мастерских бывшего совхоза. Занимаясь

в процессе обучения мелким производством и ведя коммунальное хозяйство, воспитанники могли снять с государства часть затрат на свое обеспечение. В идеале предполагалось, что со временем затраты не только уменьшатся, но и станут ненужными вовсе. Более того, коммуна начнет приносить прибыль, которую можно будет использовать на благоустройство детских домов.

Начало было далеко не безоблачным: оно отличалось непродуманностью, слабой организацией и практически полным отсутствием условий для проживания. Несмотря на характерный для того времени революционный аскетизм, даже устроители коммуны признавали, что «условия жизни детей в общем только удовлетворительные» [5]; «половина детей живет в более нормальных условиях, так как имеется небольшое количество коек и матрацев» [5], у другой половины нет ни того ни другого. В Положении коммуны не было определено максимально возможное число воспитанников соответственно возможностям детского учреждения: летом 1924 г. в ней состояло 153 человека — 77 девочек и 76 мальчиков от 12 до 17 лет. При этом около 20 % детей были больны малярией, санитарных обследований не проводилось. На всех воспитанников приходилось 3 педагога, которые проводили занятия в группах по 50 человек.

Второй этап отличался сравнительным благополучием. Существовало уравнительное обеспечение всех едой, необходимой одежды и жильем в интернате, никто уже не спал без матрасов и коек. Раз в неделю воспитанники ходили в баню за счет заведения, работали кухни, во все здания было проведено электричество и отопление; действовал клуб, в котором воспитанники получали теоретические знания по выбранной специальности, культурное и политическое просвещение. Работающие подростки получали хозяйственное обслуживание, например, уборку в интернате делала «сторожиха, она же поломойка» [8], работала прачечная; неработающие воспитанники делали это сами. Кроме того, для стимуляции трудовой деятельности была введена поощрительная плата, которую воспитанники могли тратить по своему усмотрению на покупку новой одежды, бытовых мелочей, оплату дополнительных хозяйственных услуг. Для этих целей в мае 1926 г. на территории коммуны была открыта лавка, где воспитанники могли не только покупать что-то, но и продавать свои изделия жителям окрестных деревень [8]. В итоге к 1927 г., по данным источников, быт подростков значительно улучшился [8].

Управленческая структура коммуны окончательно сформировалась к концу 1925 г., были четко определены условия приема и выпуска подростков, их возраст, права и обязанности. Главой коммуны был назначен управляющий из числа воспитателей и его заместитель — старший инструктор. Людей на эти должности назначал Окружной отдел народного образования, с 1926 г. — Комиссия по улучшению жизни детей. Штат взрослых работников, работавших по найму, постоянно расширялся. На май 1927 г. он состоял из управляющего, заведующего ремонтом, бухгалтера, заведующего мельницей, кладовщика (он же староста), конторщика (он же счетовод), огородницы (она же дойка), конюха (он же скотник), двух сторожих — в конторе (дойка), интернате (поломойка) [8]. Кроме того, здесь работали воспитатели и инструктора по каждому виду производства, имеющему место в коммуне.

В начале 1927 г. было сформулировано новое «Положение об Илецко-Иковской трудовой коммуны подростков, находящейся в ведении Курганского окружного ДТК». В нем задачи коммуны были сформулированы как «подготовка подростков к трудовой и общественной деятельности среди трудящихся» [8], обучение их производствам, пользующимся спросом в сельской местности — мукомольному, кузнечно-му, слесарному делу, работе с сельскохозяйственным транспортом. Был установлен возраст детей и сроки их пребывания в коммуне: принимались подростки 15–16 лет, выпускались в 18 лет после сдачи выходного экзамена с присвоением выпускного свидетельства, в котором указывалась специализация и стаж работы [8]. За 2–3 года предполагалось получение специальности и адаптация к самостоятельной жизни. В 16 лет все воспитанники должны были зарегистрироваться на Бирже труда для получения через нее работы в установленном порядке. Труд каждого воспитанника фиксировался в учетной книжке. Заработок поступал в общий фонд коммуны и расходовался на содержание воспитанников, их личные нужды (эта часть выдавалась на руки), на улучшение производства, на формирование выпускного фонда. В так называемый выпускной фонд отчислялось ежемесячно 10 % заработка. Эти средства выдавались подростку единовременным пособием при выходе из коммуны. Коммуна с помощью ДТК и ОКРОНО должна была решить вопрос с трудоустройством воспитанника по полученной специальности и доставить его к месту работы.

Помимо овладения какой-либо специальностью, воспитанники должны были развивать свои организаторские способности и формировать чувство ответственности, участвуя в коммунальном самоуправлении. Так, на общем собрании 29 августа 1924 г. была выбрана хозяйственная и санитарная комиссии, назначен исполнительный комитет из числа воспитанников [5]. В 1926–1927 гг. жизнь коммуны строилась уже на полном самоуправлении. Высшим руководящим органом было общее собрание всех членов коммуны, в котором на равных правах принимали участие воспитанники, воспитатели, инструктора и штат наемных сотрудников. Собрание устанавливало правила работы коммуны, утверждало распорядок дня, разбирало ссоры, принимало решения по наказанию или исключению воспитанников, нарушавших общие правила и подстрекавших к этому других. Воспитанники принимали максимальное участие в управлении всеми отраслями жизни: вопросы по самообслуживанию, по охране имущества и зданий коммуны, их гигиене и прочим проблемам решались преимущественно самими подростками. Подростки также участвовали в организации своего досуга; в дни отдыха устраивались собрания воспитанников, коллективные прогулки в лес и игры. Коммуна заботилась об идеологическом воспитании своих подопечных: как значилось в «Положении об Илецко-Иковской трудовой коммуне подростков, находящейся в ведении Курганского окружного ДТК», «для обеспечения правильного направления и содержания в работе трудкоммуны и общественно-политическом воспитании коллектив подростков вовлекается в детское и юношеское коммунистическое движение» [8].

Тем не менее, главная роль в воспитательном и учебном процессе отводилась сельскохозяйственному тру-

ду. Это было вполне закономерно в округе с аграрной экономической направленностью: во-первых, деревня могла предоставить больше вакансий, во-вторых, само расположение коммуны в сельской местности на территории бывшего совхоза располагало к сельскохозяйственной ориентации обучении подростков. В начале работы воспитательного учреждения только 10 человек из 153 работали «на производствах» [4]: 4 воспитанника работало на водяной мельнице, четверо в машинном отделении и двое на кухне. Все эти «производства» были традиционными сельскими ремеслами, востребованными среди крестьян, поэтому из сельскохозяйственной специфики не выбивались. Остальные занимались непосредственно сельским хозяйством. Помимо обучения обращению со скотом, сельскохозяйственными орудиями и обеспечения продовольствием, сельскохозяйственный труд учил работать в коллективе, быть внимательным к товарищам и окружающему миру, воспитывал уважение к продуктам питания и одежде как к плоду собственных рук. Работа на свежем воздухе должна была снимать межличностное напряжение, неизбежное при такой скученности народа, и выполнять оздоровительную функцию [4].

Подростки разделялись на группы, в каждой из которых назначался ответственный из их числа. У каждой группы были свои обязанности, за добросовестное выполнение которых следовало отвечать перед всем коллективом. Самое трудное дело — уход за лошадьми и связанные с ними полевые работы — были поручены десяти старшим подросткам. Они отвечали за состояние вверенных им животных, вспашку поля, боронение. Такой организационный подход дал свои результаты: во второе лето работы коммуны, было засеяно 8,5 десятин рожью, 5 десятин овсом и 2 десятины картофелем, при общей площади пашни 19,34 десятин и 50,6 десятин перелога. Другие девять ребят отвечали за крупнорогатый скот, как значится в документах, «из них трое пасут скот, трое убирают на ферме, следят за чистотой у скота, задают корм ... , три девочки дойки, им поручено каждой три коровы, ... группа в три человека ухаживают за свиньями. Все группы чередуются» [4].

С самого начала немалое место в коммуне отводилось скотоводству, позднее именно оно было признано приоритетным в хозяйстве наряду с ремеслами. Так, по данным на 1925 г., в коммуне имелось 11 лошадей и жеребенок, 15 коров дойных, 6 стельных, 15 телят и бык производитель, 16 овец, 2 барана, 5 свиной-маток и 2 хряка [6]. Важную роль в хозяйстве коммуны играл огород. На его поливку утром и вечером двумя группами по 20 человек уходило ежедневно около 6 часов. Девочки работали в прачечной. Остальные ходили за дровами и хворостом, выполняли прочие поручения. Каждый должен был попробовать себя в разных занятиях и выбрать дело по душе, в котором будет специализироваться.

Однако трудовое воспитание проходило не совсем гладко. Летом 1925 г. в Илецко-Иковской коммуне работала комиссия по ее обследованию и краткому изучению. В состав комиссии для профессиональной оценки успехов этого воспитательного учреждения в сельскохозяйственной деятельности по поручению ГПУ вошел агроном Д. Шаблов [6]. Он нашел работу коммуны далекой от собственных ожиданий и отметил в своем отчете: «Так «производительно» работать

дальше нельзя» [6]. Комиссией было выявлено, что многие работы не выполнялись в срок, выполняемые делались не в полную силу и отличались дилетантством. Например, к поднятию паров приступили поздно, а «это недопустимое явление, которое требуется удалить в самом ближайшем времени», так как без должной подготовки почвы нельзя продолжать полевые работы. «На каждую лошадь не посеяно даже одной десятины, тогда как правильной считается при готовых парах нагрузка на лошадь 4–5 десятин» [6], писал Шаблов в отчете. По мнению агронома, для нормального функционирования хозяйства коммуны нужно заготовить почву минимум для 2 десятин овощей, 15 десятин озимой ржи, 10 десятин овса [6]. Состояние засеянных полей было признано комиссией в целом удовлетворительным, необходима была только прополка. Возможно, коммуне просто не хватало грамотного руководителя-агронома, который смог бы правильно поставить задачи перед воспитанниками и проследить за их выполнением. То же касалось и хозяйственной части: «В отношении мертвого сельскохозяйственного инвентаря надо сказать, что при умелом и аккуратном использовании его было бы достаточно» [6], тем не менее, коммуне не следит за его состоянием и не заботится об утилизации.

Обследование почв — песчаных и подзолистых — показало нерентабельность использования полеводства в качестве основной отрасли. Для производства зерна на продажу потребовалось бы удобрение почв, затраты на которое вряд ли могли окупиться. Д. Шаблов предложил уделять больше внимания скотоводству, для которого условия были лучше — под травами в коммуне было 204,23 десятин земли, имелись теплые большие сараи, «которые стоят без дела» [6]. Вообще, имевшийся в то время в коммуне скот был агрономом раскритикован, так как рогатый скот был маломолочным, овцы ничем не отличались от крестьянских. Такое хозяйство, по мнению эксперта, не могло приносить прибыли.

Тогда и было предложено основной упор сделать на производственный потенциал ремесел коммуны, чтобы обеспечить воспитанников всем необходимым и наладить сельское хозяйство: приобрести более современные сельхозмашины, увеличить поголовье скота и улучшить его породу, завести беконных свиной. Проведенной комиссией были сделаны на этот счет положительные прогнозы: «тогда дело можно поставить так, что это хозяйство будет служить не посмешищем окружающему крестьянскому населению, а школой. Даже больше — могло бы служить образцом и показателем многим другим коллективным объединениям Курганского округа» [6]. В том же году был составлен производственный план на 1925–1926 гг., где указывалось на «производственный характер» коммуны и на «подсобное значение» сельского хозяйства [5]. Авторы плана обосновали это в первую очередь тем, что при ориентации только на сельское хозяйство «коммуна выпускает людей малокавалифицированных, не имеющих возможности применить свой труд и знания... принуждены будут идти в батраки к богатому крестьянину или, в лучшем случае, в совхоз» [5].

Возможно, одной из причин приоритетного отношения к производствам было создание коммунистической идеологией героического образа рабочего и восприятие крестьян как представителей класса соб-

ственников. Вместе с тем, как отмечал председатель Совнаркома СССР и РСФСР Алексей Иванович Рыков, ратовавший за развитие кооперации в сельском хозяйстве и в промышленности, «в деревне наблюдается так называемое относительное аграрное перенаселение, наличие большого количества свободных от производительного применения рабочих рук... При наличии избыточного населения в деревне, громадного количества безлошадных, безинвентарных хозяйств деревня с каждым месяцем предъявляет все больший и больший спрос на изделия промышленности...» [9]. Выпускники коммуны, обученные исключительно крестьянскому ремеслу, пополнили бы это избыточное население деревни, безземельное и безлошадное, и оказались бы ненужными ни в селе, ни в городе. Обучение же кузнечному, столярному, мельничному, столярному, кожевенному, пимокатному делу обеспечивало востребованность таких мастеров в любом сельском обществе и гарантировало приличный заработок.

Как бы то ни было, переход к производству осуществился. А в январе 1926 г. Илецко-Иковская коммуна была передана из ведения ОКРОНО под управление ДТК, и стала при нем оперативно-производственным отделом главного назначения. Теперь главным средством производства стала водяная мельница на реке Ик, оснащенная паровым двигателем и электропередачей (при мельнице имелась электростанция). Для полноценной работы требовалось исправить плотину и отремонтировать саму мельницу, тогда она могла бы молоть до 800 пудов в сутки и приносить немалый доход. Остальные мельницы лежали ниже по реке и приводились в движение исключительно силой воды, потому работали медленнее, посезонно и за более высокую плату, так что мельница играла важную роль не только в жизни коммуны, но и в жизни близлежащих деревень: в Илецко-Иковскую коммуну приходили помолыцы в радиусе 70 верст [5]. Однако за время существования коммуны плотину так и не исправили. К лету 1927 г. ситуация приняла угрожающий характер: плотина разрывалась, и мельнице угрожало затопление [6]. Возможно, это стало одним из факторов, приведших к расформированию коммуны.

Кроме мельницы большую роль играла слесарно-кузнечная мастерская, которая тоже была единственной в округе, поэтому ее продукция тоже могла бы пользоваться спросом, но и здесь нужен был небольшой ремонт. Важным подспорьем для слесарного дела стало бы открытие лесопильного завода для заготовки материала, к тому же, лесом в хозяйстве было занято более 120 десятин. В мае 1926 г. Илецко-Иковское хозяйство даже было переведено из ведомства Земельного отдела в Лесной, так как именно лес был одним из главных условий функционирования хозяйства. Тем не менее, идея с заводом так и не была реализована.

В других видах производства тоже не всегда все шло гладко. Например, жестяная мастерская, работавшая в коммуне, часто была вынуждена стоять без дела из-за отсутствия заказов [6], то есть из-за недоработок организаторов коммуны, не позаботившихся о должном и своевременном представлении продукции окружающему населению. Бондарная мастерская, напротив, успешно работала: она производила на заказ и на продажу пивные бочки, бочки под сало, кадушки, деревянную посуду. В 1927 г. ей были сделаны де-

ревянные остовы шести веялок, так как они пользовались большим спросом в деревнях, но на местном рынке не оказалось нужного оборудования для того, чтобы завершить работу над ними; по той же причине провалилась идея обустройства веялочной мастерской [8]. С переменным успехом работала пимокатная мастерская: в первый год она не окупилась, но вызвала интерес как у жителей окрестных деревень так и у самих подростков. Сапожная мастерская производила мелкий ремонт обуви и была популярна как среди самих воспитанников коммуны, так и среди сельчан.

Однако со стороны правительства отношение к коммуне было довольно скептическим, как утверждается в «Проекте резолюции по докладу заведующего Илецко-Иковской деткоммуны о ближайших мероприятиях по работе хозяйства», в успех коммунального хозяйства, к тому же детского, мало кому верилось [8]. Отсюда возникало множество финансовых проблем, никто не хотел бросать деньги на ветер, а уверенности в том, что долги будут оплачены, не было никакой: «в силу некоторого неверия в долговременность и общественную значимость и важность целей, поставленных ДТК Илецко-Иковскому хозяйству, не позволяют рассчитывать на посторонние значительные вложения» [8]. ДТК ходатайствовало о расширении коммуны, так как многие выпускники детских домов по-прежнему оставались без образования, работы и средств к существованию, но в итоге наоборот столкнулась с угрозой сокращения штата сотрудников и количества воспитанников: «Хозяйственный авторитет ДТК еще не был завоеван» [8]. Одной из причин такого недоверия была низкая трудовая отдача подростков, несмотря на получение каждым поощрительных выплат. Но поскольку выплаты были уравнительными для всех трудящихся и «поскольку это дополнительное вознаграждение составляло для их бюджета часть незначительную, то в общей сложности для воспитанников не оставалось почвы для приобретения навыка к труду как к единственному источнику существования» [8]. Подростки могли работать только под контролем наемных сотрудников, что не позволяло сократить их штат и требовало расходов на зарплату. Другой проблемой был широкий возрастной диапазон воспитанников — от 14 до 20 лет, хотя по уставу коммуны подростки должны были выпускаться в 18-летнем возрасте. Руководство опасалось, что при замене старших младшим составом производство остановится вовсе, а при такой разнице в возрасте было трудно найти ко всем общий подход и привлечь младших к полноценной работе. Кроме того, на территории коммуны до самого ее расформирования функционировал детский дом, независимый от нее и находящийся под ведомством ОКРОНО. Не связанный с коммуной организационно и административно, он соблазнял воспитанников вольной нетрудовой жизнью.

16 мая 1927 г. коммуна перевела своих воспитанников на самообслуживание и хозрасчет, окончательно отказавшись от своей изначальной идеи. Сам учрежденный было переименован в «Илецко-Иковское хозяйство ДТК» [8] в связи с полным отказом от практики детдома и построения работы хозяйства на основании типового «Устава о детских трудовых коммунах». Хозяйство ДТК должно обеспечивать подросткам вместе с получением специализации уроки реальной жизни, «далекой пока от основ коммунального быта» [8].

У подростков должно было постоянно поддерживаться осознание временности пребывания в хозяйстве, зависимости их зарплаты от качества и количества их труда. Была установлена фиксированная зарплата пастухам, кучерам, мельникам и работающим на свинарне. Остальные получали оплату сдельно не меньше прожиточного минимума. Одним из ближайших планов Илецко-Иковского хозяйства ДТК стало расформирование детского дома и перевод его старших воспитанников в «ученики-подростки». непригодных к труду воспитанников — младших и не поддающихся воспитательной работе — предполагалось исключить из состава коммуны, предвзвешенно позаботившись об устройстве их самостоятельной жизни.

Теперь Илецко-Иковское хозяйство мыслилось не как детское учреждение на коммунальной основе, а как производственный отдел ДТК и при хорошем развитии оно должно было стать фабрикой скота, яиц, муки, масла и пр. [8]. Вокруг него должен был сформироваться трест-синдикат пищевой промышленности из предприятий Эксплуатационной части ДТК, которые должны были перерабатывать продукцию деткомхоза в колбасу, консервы, хлеб, кожу и сапоги. Это было хорошей возможностью потеснить частных производителей на рынке, именно так ДТК надеялось заинтересовать правительственные органы работой хозяйства. Дешевые кондитерские и хлебобулочные изделия должны были вытеснить домашнее производство. Для той же цели должны были создаваться овощные лавки. На базе этой пищевой фабрики должен был осуществляться переход населения на общественное питание — начать можно было с превращения столовой деткомхоза в большую общественную столовую. Кроме прочего Илецко-Иковское хозяйство могло готовить беспризорниц к работе в области общественного питания, решая одновременно кадровую проблему и проблему трудоустройства женщин. Было рассчитано, что таким образом деткомхоз смог бы обеспечить трудоустройство 200 подросткам в год, 40 % из которых могли быть девушками.

После переименования коммуны в Илецко-Иковское хозяйство ДТК на заседании его совета было в очередной раз подчеркнуто, что хозяйство не может именоваться сельскохозяйственным, в силу того, что большинство его воспитанников желают заниматься ремеслом (р-472-1-7-4). Тем не менее, в целях хозяйства значилось: «а) организовать показательное скотоводческое хозяйство, развести улучшенную породу молочного скота и чистокровных свиней; б) завести трактор и усовершенствованные машины и орудия

для культурной обработки пашни и лугов; в) укрепить и расширить производства, связанные с переработкой продуктов полеводства и животноводства» [8]. Кроме того, в положении хозяйства было зафиксировано, что оно должно «обучать подростка обычным сельскохозяйственным навыкам по обработке почвы, луга, посева и сбору урожая, уходу за скотом и т. д. и одному из следующих ремесел...» [8].

Появление Илецко-Иковского хозяйства ДТК означало поражение коммунальной формы воспитания детей, но не умаляло роли в нем сельскохозяйственного труда, так же, как и переход в 1925 г. к ремеслам. Сельское хозяйство продолжало составлять основу всей организации: все так называемые производства были востребованы главным образом в деревне, работы в поле, на огороде и скотном дворе продолжались.

Таким образом, Илецко-Иковская коммуна представляет собой интересный пример синтеза сельскохозяйственной, производственной коммуны и детского исправительного учреждения. Во-первых, она должна была служить местом воспитания детей и их обучения; во-вторых, выполнять роль производственного и аграрного сектора комиссии по улучшению жизни детей; в-третьих, служить примером коммунального хозяйства, находящегося на полном самообеспечении. Тем самым, ставился одновременно педагогический, идеологический и хозяйственный эксперимент. Двухэтапная история коммуны показывает путь детского учреждения от коммунального хозяйства до подросткового совхоза, где воспитанники превращаются в учеников-работников, получающих плату за свой труд. Возможно, свою роль в неудаче эксперимента с коммунальным устройством быта сыграла специфика времени, рост частной собственности и свободных типов коопераций в период нэпа. Тем не менее, несмотря на многие неудачи, коммуна смогла поднять свое хозяйство от состояния полунищего детского приюта до хорошо организованного учебно-воспитательного учреждения и производственного предприятия в рамках Комиссии по улучшению жизни детей. Сельскохозяйственный труд, как база существования хозяйства и воспитания подростков, перешел и в производственную программу Илецко-Иковского хозяйства ДТК [8]. Кроме того, сельскохозяйственный труд и в последующем активно использовался в воспитании детей. Работа на приусадебных участках, выезды в поле и многое другое стали традиционным элементом повседневной жизни советских школ. В сельских школах сельскохозяйственный труд как фактор воспитания занимает свое место до сих пор.

Литература

1. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11.
2. Михалин В. А. Из истории изучения сельского хозяйства Сибири в начале 1920-х гг. Сибирь в XVII–XX веках : проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002.
3. Большая Советская энциклопедия. URL : <http://slovari.yandex.ru>.
4. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-48, Ф. Р-472.
5. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 8.
8. ГАКО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 10.
9. Рыков А. И. О кооперации. URL : <http://www.magister.msk.ru/library/politica/rykov/rykoa033.htm>.